

УДК 101.1:316
ББК 60.027.2
Э 55

Э.Э. Эмирбекова,

кандидат юридических наук, доцент филиала Южного федерального университета, г. Махачкала, тел.: +79285005009, e-mail: elena_1980@mail.ru

ПРАКТИКИ ВЛАСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ ЛИЧНОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

(Рецензирована)

Аннотация. В статье в процессе социально-философского анализа выявляются практики власти в языковом, визуальном, телесном полях пространства личности. Определяется главное назначение практик власти в языковом, визуальном, телесном полях пространства личности. Указываются свойства языка, зрения, тела, используемые в практиках власти, направленных на формирование языкового поля пространства личности.

Ключевые слова: личность, пространство личности, языковое поле, власть, практики власти.

Е.Е. Emirbekova,

Candidate of Law, Associate Professor of Branch of the Southern Federal University, Makhachkala, ph.: +79285005009, e-mail: elena_1980@mail.ru

POWER PRACTICES IN PERSONALITY'S SPACE: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ASPECTS

Abstract. In the paper, a social – philosophical analysis is made to reveal power practices in the language, visual and corporal fields of the personality's space. The major purpose of power practices in the language, visual and corporal fields of the personality's space is defined. The paper points to properties of language, vision and a body used by the power to form a language field of the personality's space.

Keywords: personality, personality's space, language field, power, power practices.

Изначальное исследование власти как социального феномена, происходившее на метафизическом уровне в результате кардинальной смены парадигм, произошедшей в философии XX века, привело к смещению акцента с проблем метафизического уровня на проблемы «повседневности», вследствие чего в середине XX века был открыт новый уровень существования власти – микрофизический, включающий в себя отношения и взаимоотношения власти, в совокупности структурирующие и упорядочивающие

функционирование социума, а также практики, используемые властью – практики власти, в результате применения которых достигается детерминация социального пространства и пространства личности. Однако рассмотрение собственно практик власти в пространстве личности в социально-философском аспекте предполагает их совершенно особый ракурс исследования, основанный на принципе универсальности власти, из которого следует, что власть, продуцируя различные практики, формирует пространство

общественного бытия, тем самым детерминируя пространство личности во всех его измерениях. Данный процесс, осуществляемый на протяжении существования человеческого общества, не отрефлексирован в социально-философской научной мысли. Социально-философское исследование практик власти в пространстве личности предполагает их рассмотрение на фоновом уровне пространства личности. Соответственно, на данном уровне практики власти качественно отличаются от тех, которые применяются на макроуровне. Это обусловлено тем, что меняется объект воздействия, и этим объектом выступает пространство личности. А поскольку формой микрофизического уровня является семиосфера – знаковое пространство, предопределяющее способ прочтения и истолкования окружающей действительности, то практики власти ранжируются по полям пространства личности: языковое, визуальное, телесное.

Языковое поле пространства личности, формируемое при помощи насыщения его нормами и правилами, предстает как практика власти, при помощи которой создается основа любой исторической эпохи. Данный тезис находит подтверждение в фукольдьянской концепции, где язык рассматривается как «воплощение социальной реальности, область приложения социальных сил ...и транслятор социальных механизмов власти, поскольку бытие языка ...сходно с бытием власти, ...исходя из глубины социального организма, пронизывает всё, и скорее закладывает основы общества, чем упорядочивает его» [1; 42–43]. Основываясь на фукольдьянской традиции в современной социальной философии, можно сделать вывод, что практики власти через языковое поле пространства личности приобретают контроль над сознанием личности. Этот контроль основывается на том, что языковой характер знания

обуславливает восприятие сознания личности как исключительно языковое. Кроме того, поскольку язык предопределяет мышление и те формы, которые оно в нем обретает («мыслительные формы»), то и порождающие их практики власти одновременно формируют поле сознания, своим воздействием постоянно расширяя его и, тем самым, осуществляя функцию контроля над сознанием личности. То есть власть производит знание в силу того, что власть и знание изначально предполагают существование друг друга: не может быть власти без соответствующего знания о власти и нет знания, которое не образует некоторым образом отношений власти, так как знание, по сути, есть продукт деятельности не познающей личности, а власти, которая задает области и формы знания. И отсюда любая официальная истина всегда есть продукт определенного типа власти, легитимирующего ее интерпретацию. Данная монополия власти в области знания определяется тем, что мышление протекает в «зазоре» между видением и говорением (как внутреннем, так и внешнем), который задает, актуализируя нечто в виде проблемы, требующей решения, а значит – говорения о ней. И именно власть и определяет впоследствии «правильное решение» в виде официальной «истины» (являющейся на самом деле практикой власти), закрепляя ее в сознании личности при помощи мифа «свобода есть признание официальной истины, ее отвержение есть проявление заблуждения ума или духа» [2; 78]. Формируемый таким образом мир повседневности определяет повседневное мышление как отдельную категорию мышления личности, через которую личность воспринимает повседневный мир как мир организованный его самостью и оттого являющийся его частным миром, сформированным из совокупности проинтерпретированных им значений и потому

дающий ему опору. Однако в силу того, что пространство повседневности формируется речью и «повседневность рождается в деятельности проговаривания себя» [3; 176], то личность социализируется, самоидентифицируясь с универсальным дискурсом власти, выступающей в роли субъекта через заданные параметры повседневного мышления, детерминирующего пространство личности. Исходя из вышесказанного, возможно констатировать, что мифологизация реальности, а точнее многочисленные и разнонаправленные мифологизации реальности представляют собой следствие практик власти в языковом поле пространства личности. При этом практика производства истины представляет собой вертикаль, собирающую вокруг основной силовой линии все общество и, тем самым, формирующую стержень этой всеобщей истины, о которой говорят на всеобщем языке для данного общества, а мифы расходятся по горизонтальным плоскостным отражениям граней сформированной властью истины. Собственно же источником корректировок истины или введения новой является существующая в данную историческую эпоху система «власть – знание»: власть как инициатор трансформаций реальности, знание – как способ истолкования преобразованной реальности.

Понятие «визуальное» наиболее полно в рамках социально-философского знания рассмотрено в аналитике визуального М. Хайдеггера, которой полагал, что зримое как феномен в принципе сформировало основание европейской науки, которая, в свою очередь, предопределила новоевропейское мировоззрение. Хайдеггер объяснял данный тезис следующим образом: сущность науки проявляется в научном исследовании; исследование начинается с проекта, наброска предметной сферы. При этом опредмечивание сущего происходит

через представление, совокупность же представлений формирует картину мира, без которой нет и не может быть мировоззрения как целостной системы. То есть мир перед современной личностью предстает как картина, а позиция личности по отношению к данной картине определяется как мировоззрение – «...принципиальным отношением к сущему» [4; 51]. Данная позиция личности определяет ее как властвующую в силу того, что именно она, задавая меру и устанавливая нормы, «фабрикует» картину мира через опредмечивание проекта сущего, являющего собой систему зрительных образов. При этом личность, при визуальном взаимодействии с миром, пользуется зрительными схемами, включающими в себя модели воспринимаемых объектов, благодаря которым и происходит узнавание. Однако Хайдеггер также рассматривал возвращение к истине бытия в озарении, сходному и по смыслу, и по звучанию понятию «зрение», как второй аспект зрения, позволяющий воспринять бытийную полноту сущего бытия. Кроме того, анализируя тезис «наука есть теория действительности», Хайдеггер находит корни понятия «теория» в сращении двух древнегреческих слов: вид, облик и разглядывать, охватывать взором. И выводит его изначальное значение как «видеть явленный лик и взором в нем пребывать благодаря данному видению». Исходя из совокупности приведенных выше размышлений, сформированную новоевропейской наукой схему восприятия Хайдеггер определяет как установление через видение (смотрение) сущего. Установленное сущее в последующем противопоставляется Себе через предписание ему норм – умозрительных конструкций, сформированных на основе словесных проектов реальности. В данном противопоставлении «представленного» Себе через систему норм можно увидеть точку

пересечения вербальной и визуальной сфер – то поле, на котором активно осуществляется применение практик власти. Также противопоставление объекта и присвоение личностью доминирующей позиции в процессе формирования воззрений на мир, с позиции Хайдеггера, выступают как результат развития европейской науки и культуры. Следовательно, визуальное восприятие мира предстает как амбивалентный процесс: заданный и неконтролируемый одновременно. Заданность визуального восприятия мира осуществляется через выработанные в культуре визуальные схемы и вербальные представления, разъясняющие личности смысл увиденного и, тем самым, одновременно формируя определенный ракурс восприятия увиденного и выступая инструментом опредмечивания мира. Неконтролируемость визуального восприятия мира заключается в том, что оно происходит независимо и от вербально и лингвистически организованного мышления и осознания личности. Однако в контексте исследования практик власти в визуальном поле пространства личности наиболее продуктивной представляется концепция «визуального мышления» Р. Арнхейма, в которой он проводит анализ соотношения свойств визуального восприятия, понимая под визуальным мышлением «оперирование зрительными образами» («Зрительные образы: феноменология и эксперимент», 1987). Главная же идея концепции заключается в том, что в основании феномена видения лежит абстрактное выделение структурных черт воспринимаемых объектов, классифицирование которых происходит не в результате кумулятивного накопления повторяющихся похожих впечатлений, а выводится из единичного явления, воспринятого при условиях, трактуемых воображением как благоприятные или неблагоприятные. В дальнейшем эта абстрагированная

зрительная форма используется для интерпретации иных проявлений действительности. То есть визуальное познание окружающего мира представляет собой многослойную систему, изначально предопределяющую восприятие. При этом визуальный код, одновременно и более структурированный и диффузный, чем лингвистический, более вариативен, вследствие чего вбирает большие слои реальности, формируя визуальное поле пространства личности, где и происходит развертывание визуального диалога в системе «власть – личность», направляемого посредством практик власти. Основой применения практик власти в визуальном поле пространства личности выступают правила, обеспечивающие саму возможность визуального диалога, задаваемые, с позиции семиологической концепции видения, кодами визуального восприятия, поскольку системы кодов визуального восприятия представляют собой не только властвующие конструкции, предопределяющие специфику диалога «власть – личность», но и лежат в основе практик власти. При этом семиологическая теория видения выступает практическим объяснением процессов выделения и эволюционирования главных признаков объекта, фиксируемых в процессе видения и предопределяющих вычленение определенных форм и характеристик объектов в концепции визуального мышления Р. Арнхейма. Кроме того, семиотика выявляет и обосновывает социокультурную зависимость ассоциативного зрительного ряда. Таким образом, тезис о непосредственной зримой явленности объектов окружающего мира предстает как одна из распространенных иллюзий, в то время как подобно языковым ассоциациям, заданным лингвистическими нормами, зрительные ассоциации и само зрительное восприятие объектов задано социокультурными зрительными стереотипами. Однако

зрительные стереотипы оказывают гораздо более мощное воздействие на личность в силу того, что отсутствие прямого словесного указания создает ощущение того, что видимое ею дано непосредственно, без постороннего вмешательства. Тем не менее, над визуально воспринимаемым рядом окружающей действительности имеется множество закодированных схем, моделей, образов видения, одновременно упорядочивающих мир и задающих правила этого упорядочивания. А в силу того, что визуальные культурологические модели не осознаются в той степени, как лингвистические, то личность не имеет возможности от них дистанцироваться и создать собственную матрицу узнавания и, как следствие, воспринимает зрительные социокультурные стереотипы в качестве результата деятельности собственного мышления.

Понятие «телесное» представляет собой самостоятельный социально-философский феномен, подробный анализ которого как одного из специфических качеств личности в силу его материальности/телесности, то есть наличия материального тела, одним из первых осуществил Ж.-Л. Нанси. При этом свое тело личность воспринимает как телесное «бытие – при – себе», позволяющее ощущать мир и, ощущая, познавать. Чужое же тело личность осознает как чуждое явление, которое нельзя вместить в себя, но с которым приходится считаться. Свой анализ телесности с позиции социальной философии он начал с трактовки тела как самоотчуждения «Я», принимающего форму тела. Отправной точкой в данном тезисе была установка на то, что Эго изначально состоит из различий, следствием расслоения которых является самость, обращенная вовне. Тело же, как второй результат расслоения Эго, предстает как самоотчуждение, развернутое вовне в силу того, что его основной имманентной истиной относительно

себя есть «высказывание-показ», посредством которого личность заброшена в этот мир и через которое осуществляет «захват» пространства этого мира. Тело, по сути, предстает как воплощение материальной телесности. Таким образом, тело личности, проявляемое им через телесность, определяется Ж.-Л. Нанси как место, которое одновременно и не наполнено, и не пусто, поскольку не имеет ни функций/целесообразности, ни внешнего/внутреннего, ни частей/целого. То есть, сущность тела, по Ж.-Л. Нанси, как и власти, по М. Фуко, заключается в том, чтобы не иметь сущности. Однако если власть у М. Фуко предстает как энергетический двойник, придающий форму социокультурным явлениям, то тело у Ж.-Л. Нанси есть незавершенная форма и, вследствие этого, открытое для заполнения пространство. Кроме того, несмотря на то, что и тело, и власть предстают как явления без сущности, с точки зрения активности-пассивности они предстают полными противоположностями, поскольку власть есть крайняя точка активности, тело – крайняя точка пассивности универсального объекта. Это объясняется тем, что тело находится на границе и существует в качестве границы, представая в качестве телесной/материальной возможности реализации событий рождения, чувствования, познания, смерти. И в то же время в полной мере «своего» тела нет, оно всегда только реконструкция, так как тело – это то, что «внутри», а именно сознание, в котором формируется представление о теле. И это «представление», сначала формируемое сознанием, а затем осознаваемое им, воспринимается как объект, противопоставленный «Я». То есть, по мысли Нанси, сознание и тело соотносятся через представления, которые касаясь и, через это касание, вторгаясь друг в друга, действуют как замена смыслов: представление даёт телу

смысл и тело начинает воплощать собой знак смысла: подобно тому, как невозможно бытие «свободного духа» или чистого Эго, поскольку любая мысль есть определение, закрепленное внешними обстоятельствами, одновременно завоевывающее пространство и являющееся неким пространством, очерченным границами сформулированного и/или высказанного определения, так и воздействие на телесность в его материализованной субстанции неизбежно оказывает влияние на сознание. В определенном смысле такое подчинение и происходит через применение властью практик в телесном поле пространства личности, когда тело, заполняя собой пустоту между двумя оппозиционными смыслами (например, «правое – левое», «внутреннее – внешнее») и играя роль некой инстанции противоречия, подчиняясь властному воздействию, начинает выражать внесенный в него посредством властных практик смысл. Так через телесность происходит единение означающего и означаемого. Таким образом, «телесность» как понятие не является производным от материального тела, но принадлежит всем конструкциям, имеющим ментальные границы в социокультурном пространстве.

Практики власти в языковом поле пространства личности включают в себя языковое поле: официальная истина, идеология. Языковое поле пространства личности, формируемое через насыщение его нормами и правилами, предстает как инструмент власти, при помощи которого создается основа любой исторической эпохи. Определено главное назначение практик власти в языковом поле пространства личности, заключающееся в языковой организации пространства личности через формирование ее повседневного мышления. Указаны свойства речи, используемые в практиках власти, направленных на формирование языкового поля

пространства личности, а именно следующее: производство знаний о мире (формирование этого знания), а также тавтологии (пересказывание известного) и симулякров (знаков, отсылающих к самим себе), формирование знания, трактуемого как официально закрепленная истина, но служащее на самом деле интересам власти, признание которой детерминирует пространство личности. Непризнание личностью предложенного знания, даруя духовную свободу, помещает ее в ситуацию неопределенности и риска. То есть официально закрепленная истина предстает как практика власти в языковом поле пространства личности. Официально истина выступает в качестве стрелы идеологии [5], которая через языковое поле задает и трансформирует пространство личности. Исходя из этого, в контексте данного исследования язык как социальный феномен в процессе своего функционирования (практики власти) создает языковое поле (бытие), которое предопределяет направление повседневного мышления личности, детерминируя, тем самым, пространство личности. В современном обществе применение практик власти в языковом поле пространства личности активно внедряется на внутриличностном и межличностном уровнях, то есть там, где возможно наиболее эффективное функционирование двух взаимодополняющих процессов: самовнушения и группового внушения. Практики власти в языковом поле пространства личности позволяют власти формировать мировоззренческие установки, исходя из которых впоследствии личность осуществляет свою жизнедеятельность.

Выявлены практики власти в визуальном поле пространства личности, к которым относятся: правила, обеспечивающие саму возможность визуального диалога, задаваемые, с позиции семиологической концепции видения, кодами визуального

восприятия; модели и идеальные образы, формирующие, исходя из теории визуальных абстракций Арнхейма, визуальную сферу мышления. Определено главное назначение визуальных практик власти, заключающееся в формировании в визуальном поле пространства личности социокультурных феноменов, регулирующих жизнедеятельность личности. Первый из них, соединяющий естественный и иллюзорный аспекты бытия, феномен «бытия – под – взглядом», второй – «взгляд поощрения/неодобрения» как предоставление возможностей и лишение их; третий – «пирамида взглядов». Указаны свойства зрения, используемые в практиках власти, направленных на формирование визуального поля пространства личности. Указано, что в современном обществе применение практик власти в визуальном поле пространства личности внедряется преимущественно там, где присутствует некое множество людей, то есть на социальном и межличностном уровнях.

Телесное поле пространства личности есть производное от соединения внутреннего восприятия своего тела (образ Я-тела) и мнения о личности на межличностном, социальном уровнях, оформленные как образ Его-тела, имеющее протяженность за границы физического тела личности и очерченное ментальными границами. Выявлены практики власти в телесном поле пространства личности: разделение в сознании личности тела и самости, знание, дискурсы боли и удовольствия, гиперреальность. Определено главное назначение практик власти в телесном поле пространства личности: применение властью практик в телесном поле пространства личности, заставляет тело, заполняя собой пустоту между двумя оппозиционными смыслами (например, «правое – левое», «внутреннее – внешнее»), выразить внесенный в него посредством

властных практик смысл. Так через телесность происходит сращение означающего и означаемого. Указаны свойства тела, используемые в практиках власти, направленных на формирование телесного поля пространства личности, а именно следующее. Строго говоря, образ тела и, в конечном счете, телесное поле пространства личности формируется в большей степени при помощи визуального пространства личности через зрение в силу того, что для создания образа своей телесности изначально необходимо свое тело увидеть. Но как только мы его увидели, начинается процесс интерпретации в заданных социокультурной матрицей зрительных и языковых стереотипах. Таким образом, телесное поле пространства личности выступает как производное от языкового и визуального полей пространства личности. Собственно, образ тела предстает в данном контексте в виде воображаемой конструкции, включающей в себя характерологические черты, мыслимые личностью как элемент, составляющий субъективность. Основываясь на этом, можно сделать следующее заключение: собственно личность в большой мере есть результат, сформированный визуальным миром, поскольку именно свойства видимой реальности обеспечивают специфику личностного иллюзорного восприятия объективности. При этом как иллюзорные, так и отражающие фактическое положение вещей зрительные образы изначально predeterminedены одним законом: представление о сущности явления формируется на основе установления его связи с наиболее ярким внешним признаком. В современном обществе применение практик власти в телесном поле пространства личности осуществляется преимущественно на стыке внутриличностного и социального уровней пространства личности. Практики власти в телесном поле

пространства личности позволяют на нереплексивном уровне, что превращает их в наиболее мощное и реагирующее на досознательном, орудие воздействия на личность.

Примечания:

1. Мишель Д. Мишель Фуко в стратегиях субъективации: от «Истории безумия». Саратов, 1996.
2. Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном, Или судьба разума после Фрейда. М.: Русское феноменологическое общество/Логос, 1997.
3. Тесля С.Н. Опыт аналитики повседневного. М.: Изд-во МГУ, 1995.
4. Хайдеггер М. Время картины мира // Бытие и время. М.: AdMarginem, 1997.
5. Волков Ю. Идеология в жизни современного российского общества // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 6.

References:

1. Michel D. Michel Foucault in subjectivation strategies: from “History of Madness.” Saratov, 1996.
2. Lacan J. The instance of the letter in the unconscious, or reason since Freud. M.: Russian phenomenological society / Logos, 1997.
3. Teslya S.N. The experience of the analytics of everyday life. M.: MSU Publishing house, 1995.
4. Heidegger M. The age of world picture // Being and Time. M.: AdMarginem, 1997.
5. Volkov Yu. Ideology in the life of modern Russian society // Socio-humanitarian knowledge. 1999. No. 6.